Натиг Расулзаде
В ЛЕСУ

Натиг Расулзаде
В лесу

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019723

Аннотация

Человек, попавший в автокатастрофу за рулем на пригородной дороге, получил травму черепа и сотрясение мозга, впал в кому, и в беспамятстве возвращается в свою юность, которую проживает перед смертью так, как всегда желал и как ему не удалось прожить на самом деле.

Натиг Расулзаде
В лесу

Мелкие прыщи по всему лицу сгубили ему юность. Почему-то девушки не хотели сходиться и дружить с прыщавым, но благородным юношей, и это задевало его самолюбие; он, чтобы каждый раз заговаривая с кем-нибудь из одноклассниц, не чувствовать уколов ущемленного самолюбия от еле скрываемого отвращения в их пугливо-мимолетных взглядах (эти взгляды будто боялись надолго задерживаться на его обезображенном постоянной борьбой с прыщами лице), научился в душе презирать их за недалекий ум, за их способность хохотать над плоскими шутками смазливых (без прыщей, Боже!) сверстников, за их неумение разглядеть за неказистой внешностью чистую душу, жаждущую любви, общения, прикосновения рук, губ, тел – видения, частенько навещавшие его сны переходного возраста. Ох, уж этот пресловутый переходный возраст! Девушки, конечно, не подозревали, что он там, в своем маленьком внутреннем мирке, в который едва помещался – будто залез в коробку из-под телевизора – думает о них, им было все равно, они безропотно, с довольной улыбкой отдавали свои портфели сопровождавшим их кавалерам, беззаботно щебетали всякие глупости, легкие, порхающие глупости, слетавшие с их губ, словно новорожденные весенние бабочки, только что вылу-

пившиеся из кокона. Как всякий недотепа, он искал и находил мелкие и мельчайшие положительные моменты в своем незавидном положении изгоя. Нет, в полном смысле слова изгоем он не был, просто ему нравилось считать себя изгоем, мальчишки, конечно, его не сторонились, общались с ним точно так же, как и друг с другом, советовали ему найти себе женщину, чтобы избавиться от прыщей (как-будто у всех у них женщины уже были, как-будто они сами не мечтали тайно о том же самом, что и он), но что ему мальчишки, когда его влюбчивая натура требовала, просила, умоляла взаимности? Не в мальчиков же ему было влюбляться! А положительные моментики вот какие: когда отросшим ногтем поддеваешь корочку вокруг вулканического прыща на лице и снимаешь ее с готового взорваться гнойной лавой прыщика – ни с чем не сравнимое ощущение! Но разве это понять им, непрыщавым? Часто он с сожалением осматривал перед зеркалом свое чистое, без единого пятнышка тело– загорелое тело, небольшие, хорошо очерченные бицепсы, плоский крепкий, как у атлета живот – неужели эти проклятые прыщи не могли появиться на теле? Почему они облюбовали именно его лицо? Как бы то ни было, приходилось мириться с тем, что есть. Но все-таки он не хотел так легко сдаваться. Ходил к женщине-косметологу, которая мазала его лицо темной вонючей массой, пощипывавшей кожу, и оставляла его сидеть в такой устрашающей – одни глаза сверкали – маске по часу. А то и больше. Когда женщина,

принимавшая у себя на дому, склонялась к нему, дотрагиваясь до его лица своими длинными нежными пальцами, он, опустив глаза, видел ее груди в глубоком вырезе халата, и у него перехватывало дыхание, и он все боялся, что не сможет отвлечься и сдержать просыпавшуюся эрекцию, и что она, полная сорокалетняя женщина с очень сексуальной внешностью заметит, как сильно он хочет ее, как возбудился этот четырнадцатилетний мальчишка, и поймет, и поднимет его на смех, и тогда он опозорится навеки… Рядом в комнате сидели еще пациенты, обычно не больше двух-трех человек, тоже измазанные непонятной, немножко напоминавшей хну массой (гордостью косметолога, которая утверждала, что сама придумала этот состав и никому не давала рецепта его изготовления), это были мальчики примерно его возраста, только один приходил молодой человек лет двадцати – все прыщавые, все братья по несчастью. Сеансы у привлекательной женщины – косметолога не помогли. Потом по настоятельной и неоднократной его просьбе мама отвела его к врачу, делать переливание крови, средство гораздо более радикальное, чем мазание лица подозрительной смесью, но это тоже оказалось впустую. Оставалось единственное – половой акт, вообще начать половую жизнь, чего он страстно желал и боялся, но какая же женщина подпустит мальчишку-девственника к себе, разве какая-нибудь извращенка, да где ее найдешь в этом городе в начале семидесятых, если даже в городском транспорте женщины старались не садиться по воз-

можности вместе с мужчинами?.. Мучили эротические сны. Само собой. А как же иначе?

Потом, когда он стал постарше предубежденность против слабого пола, доведенная до цинизма, стала главным ориентиром в его отношениях с женщинами, он видел в них только самок, тупых, любящих подчиняться только силе, самок, и как ни странно, с первых же шагов возмужания обнаружил, что им подобное отношение нравится. Короче, сложилось так, что юношеское воздержание перешло в мужское недержание, он, как говорится, не пропускал ни одной юбки в пределах видимости, и друзья и подруги в шутку окрестили его половым гигантом. Но образ сорокалетней косметички еще долго преследовал его во время разнообразных совокуплений, напоминавшей о юношеской горячей мечте, неудовлетворенности, оставившей печать свою в его крови на долгие годы. Беспорядочная, неуютная, неустроенная личная жизнь заставила его искать порядка, успехов и спокойствия в работе. Работу свою он любил, он был врачом, добился определенных успехов, о нем говорили, как о хорошем практике, в Медицинском, где в свое время он учился и в котором теперь преподавал, он давно получил доцента и скоро должен был стать доктором наук, профессором. Одним словом, дела шли. Но минуло сорок, а семьи все не было. Умерла мама, которая одна оказывала на него давление, желая видеть внуков, теперь, лишившись ее заботы, направленной, как ему казалось, на ограничение его свободы и заключение его в се-

мейную клетку, он вдруг понял, как быстро все в жизни переходит в свою противоположность: то, что он принимал за свободу, то и явилось клеткой, надоевшей, с ежедневными привычками, одиночеством, но палец о палец не ударял он, чтобы что-нибудь изменить в своей личной жизни, и личная жизнь текла, как ручеек, находящий сам удобные ложбинки, заполняя ямы на своем пути. Могло бы быть и лучше, – говорил он про свою жизнь, но кто должен был сделать его жизнь лучше? Таким образом, достиг он того возраста, когда и сложившиеся привычки в тягость, чувствуешь всю их никчемность, и менять эти привычки бессмысленно и лень, так как их придется заменить другими привычками, к которым еще предстоит привыкать. Утомительный процесс. Но и опасный возраст для одинокого мужчины, возраст щедрый на депрессии, что с ним и случалось время от времени.

Зима, февраль, на дорогах гололед. Идет мелкий снег, и он за рулем спортивного «Ауди» едет к себе на дачу. Шесть часов вечера, темнеет, шоссе тянется, как кишка. Тепло в машине, тихо из динамиков льется и заполняет салон старая песенка ливерпульской четверки. Машина едет по шоссе, обгоняя немногочисленные здесь автомобили. Он любит ездить быстро. Он слушает песню, задумался. Много чего вспоминается из прожитой жизни, много чего приходит на ум под знакомые и не надоедающие мелодии… Итак, он ехал, музыка звучала, шел снег. И тут на скорости машину занесло, и он вместе со своим любимым квартетом откло-

нился прямо в сугроб на обочине дороги. И прежде чем выскочила спасательная подушка, он успел удариться виском о боковую стойку.

Он, шатаясь вышел из машины. Мороз ударил в лицо, приятно освежив его после полученного удара. Немного кружилась голова, но он постепенно приходил в себя, пощупал лоб, голову, ощутил под пальцами, выше левого виска травмированный участок, но крови, к счастью, не было, ничего серьезного не было, он как врач сразу это определил, взбодрился, огляделся кругом… и не обнаружил никакого шоссе, никаких машин, никакого спортивного «Ауди», въехавшего в сугроб. Он встряхнул головой, протер глаза, но ничего не изменилось – его окружал лес, и лес довольно большой и старый, если судить по вековым деревьям с толстыми стволами и густоте деревьев, окружавших его. Он огляделся внимательнее, не веря своим глазам – было такое ощущение, что он находится посреди леса, отовсюду – и сзади, и спереди, и слева, и справа – были деревья, огромные, с большими мохнатыми ветвями, украшенными снегом, который сыпал сверху при малейшем дуновении ветра. Однако, долго любоваться этой неожиданной картиной не приходилось, ощущался уже крепкий вечерний мороз, он чувствовал, как замерзли ноги, как стынет голова – выехав из дома в комфортабельной машине, он не посчитал нужным надеть теплые сапоги и шапку, не думая ни о чем непредвиденном, да и что могло случиться непредвиденное, когда он ехал к себе на дачу, что в со-

рока километрах от его городской квартиры, ехал по дороге, которую изучил до мельчайших подробностей за полтора десятка лет езды по ней? Но вот, тем не менее, случилось, и он теперь стоит в дорогих, но легких туфлях на снегу, а вокруг лес, лес, лес… Бред какой-то, – подумал он, – никакого леса тут не было, не должно быть. Он ущипнул себя за замерзшие щеки, сразу за обе и ощутил боль, реальность, не сон, не сон. Чувствуя, что замерзает, он пошел, почти побежал по лесу, утопая по щиколотки в снегу, мимо больших деревьев, уходящих верхушками в темное, без звезд, небо, не различая под ногами хоть какой-то тропинки, которая могла хоть куда-то вывести. Ноги моментально промокли – он привычно сразу подумал о предстоящей простуде – и противно чавкали в туфлях. Он бежал наугад, стараясь не вникать, не думать о своем положении, чтобы не поддаваться панике, стараясь не думать об этих более чем странных обстоятельствах, в которые попал, бежал, размахивая руками, хлопая себя по бокам, по груди, чтобы хоть немного разогреться. Но это ему плохо удавалось, мороз становился все сильнее, к тому же пошел снег, обильный, пушистый, не тот куцый, мелкий, что шел в городе сегодня с утра, тут же превращаясь в грязь под ногами прохожих, а настоящий зимний снег, что за несколько часов мог в этом непонятном лесу намести сугробы, сделать немыслимо трудным передвижение по нему, особенно в такой обуви, как у него… Положение становилось критическим, появилась реальная опасность замерзнуть посреди

этого проклятого леса. Но что можно было поделать? Единственное пока, что зависело от него самого, решил он – не падать духом, держаться как можно дольше, не сдаваться, идти из последних сил, не думать, чем может закончиться, ни о чем не думать, идти, шагать, шагать, шагать… И он побежал, что было мочи, ударяясь о стволы вековых деревьев, падая и упорно поднимаясь на ноги, разбив в кровь руки и лицо, по которому безжалостно хлестали колючие холодные ветви, бежал, ничего не соображая от усталости, как бегут, спасая свою жизнь. Но холод становился все нестерпимее и мороз сковывал его тело, его движения, замедлял этот спасительный бег. Дышать становилось больно от мороза, он еле переводил дыхание, готовый вот-вот упасть… И тут словно сжалившись над ним, судьба подбросила ему шанс выжить, видимо, решив, что достаточно уже испытала его и он ни на что не годится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.